

Белорусский след в убийстве Войкова в историографии и новых источниках

А. А. Савич

Для цитирования: Савич А. А. Белорусский след в убийстве Войкова в историографии и новых источниках // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 152–164. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.111>

Статья посвящена отображению в белорусской историографии темы убийства в Варшаве 7 июня 1927 г. советского посла в Польше П. Войкова в контексте белорусского национально-освободительного движения в составе межвоенной Польши. Отмечается, что данные аспекты в белорусской историографии истории Западной Беларуси 1921–1939 гг. не получили предметного научного осмысления. Советская историография освещала убийство Войкова как террористический акт по отношению к советскому государству со стороны заграничных антисоветских кругов. Широко распространившиеся в постсоветское время сведения о причастности Войкова к убийству царской семьи, отрицательные характеристики его личности и дипломатической карьеры стали основой для формирования в общественном мнении негативного к нему отношения. Современные белорусские авторы с негативной коннотацией рассматривают Войкова как лицо, причастное к убийству царской семьи, как неразборчивого в связях и неудачного дипломата. В обстоятельствах смерти Войкова их привлекают этническая принадлежность и идейно-политические убеждения его убийцы — Б. Коверды. Высказывается несогласие с трактовкой его как русского эмигранта, белогвардейца и монархиста. Существуют противоположные взгляды относительно приверженности Б. Коверды белорусским революционно-освободительным идеалам. В статье представлены основные мотивы убийства, в том числе версия о причастности советских спецслужб к устранению П. Войкова, которая подтверждается выявленными автором архивными документами. Указано, что причиной возможной причастности сторонников белорусского революционно-освободительного движения к физическому устранению П. Войкова было его стремление к польско-советскому примирению и недоброжелательное отношение к политической линии на радикальное решение вопроса о Западной Беларуси в результате вооруженного антипольского восстания при поддержке СССР, которое готовили белорусские коммунисты. Архивные документы выявляют наличие конфликтных отношений внутри сообщества представителей советских политико-дипломатических и разведывательных структур в Польше, которые также могли стать причиной физического устранения П. Войкова.

Ключевые слова: убийство Войкова, Западная Беларусь 1921–1939 гг., белорусское движение, историография, источники.

Александр Александрович Савич — канд. ист. наук, доц., Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Республика Беларусь, 224016, Брест, бул. Космонавтов, 21; savich@brsu.by

Aleksandr A. Savich — PhD (History), Associate Professor, Brest State A. S. Pushkin University, 21, bul. Kosmonavtov, Brest, 224016, Republic of Belarus; savich@brsu.by

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

A Belarusian Trace in the Murder of Voikov in Historiography and New Sources

A. A. Savich

For citation: Savich A. A. A Belarusian Trace in the Murder of Voikov in Historiography and New Sources. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 1, pp. 152–164. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.111> (In Russian)

The article examines how the assassination of the Soviet ambassador to Poland P. Voikov in Warsaw on June 7, 1927 is reflected in the Belarusian historiography in the context of the Belarusian national liberation movement as part of interwar Poland. Currently, the widely known information about Voikov's involvement in the murder of the royal family and the availability of unfavourable information about his character and diplomatic career have overshadowed the image of Voikov an ardent revolutionary and Soviet diplomat. Modern Belarusian authors view Voikov negatively as a person involved in the murder of the royal family, and as an unlucky, unscrupulous and unsuccessful diplomat. As far as the circumstances of Voikov's assassination are concerned, Belarusian authors address the ethnicity and ideological and political beliefs of his killer, B. Koverda; they disagree with his interpretation as a Russian emigrant, a member of the White Guard and monarchist. There are opposing views regarding his commitment to the Belarusian revolutionary liberation ideals. The article presents the main motives of the murder of Voikov, including the version about the involvement of the Soviet special services in his elimination, which is confirmed by the archival documents identified by the author. Archival documents reveal the existence of contradictions within the community of representatives of Soviet political, diplomatic, and intelligence structures in Poland, which could also have led to the physical elimination of P. Voikov.

Keywords: the murder of Voikov, Western Belarus 1921–1939, the Belarusian movement, historiography, sources.

В 2023 г. исполнилось 135 лет со дня рождения российского революционера и советского государственного деятеля, дипломата Петра Лазаревича Войкова, что является очередным поводом обращения к его личности. Политическая биография П. Войкова, кроме наиболее известных широкому кругу читателей событий, связанных с его причастностью к убийству семьи последнего российского императора Николая II и убийством самого П. Войкова, раскрывается и малоизвестной стороной его жизнедеятельности, связанной с белорусским национальным движением в Польше и Западной Беларуси в середине 1920-х гг., что было важной частью его политико-дипломатической деятельности в ранге полномочного представителя СССР в Варшаве. Данный аспект польского периода жизни П. Войкова, представляющий наибольший интерес для исследователей, заинтересованных историей Западной Беларуси 1920–1930-х гг. в период нахождения ее по условиям несправедливого для белорусов Рижского мирного договора в составе Польши, руководство которой называло западнобелорусский край «кресы всходне» (восточные окраины), не получил предметного осмысления. Это требует осуществления дополнительных научных поисков, ведь мощное национально-освободительное движение белорусского народа, в первую очередь интенсивное партизанское движение в Западной Беларуси против политики колонизации и ассимиляции за национальное освобождение и воссоединение в составе единого государства, не могло оказаться вне поля зрения советского посла в Варшаве.

Советская историография освещала убийство Войкова как результат проявления враждебности капиталистического мира и акт террора по отношению к советскому государству со стороны русских белогвардейско-эмигрантских кругов. Жизнеописание Войкова с идеализацией его как невинной жертвы русского монархиста имело и монографическое отображение в виде научно-популярной работы Н. Жуковского «Полномочный представитель СССР»¹. В настоящее время получившая широкую известность информация о причастности Войкова к убийству царской семьи и наличие сведений о непривлекательных сторонах его характера и дипломатической карьеры затмили образ пламенного революционера и советского дипломата Войкова. Неоднозначность отношения современной российской историографии к обстоятельствам деятельности Войкова в Варшаве и его смерти иллюстрируется информацией, представленной сотрудниками Института российской истории Российской академии наук И. А. Курляндского и В. В. Лобанова. Из их «Справки о деятельности П. Л. Войкова» следует, что в 1921 г. он «возглавил советскую делегацию, которая согласовывала с Польшей вопросы о выполнении Рижского мирного договора». С очевидным намеком на непатриотические действия Войкова отмечается, что при этом «он передавал полякам русские архивы и библиотеки, предметы искусства и материальные ценности. С 1924 г. Войков стал советским полпредом в Польше. В 1927 г. убит русским эмигрантом Б. Ковердой, заявившим, что это акт мести Войкову за соучастие в убийстве царской семьи»². С источниковедческой точки зрения привлекают внимание как советские документальные сборники³, так и современные публикации новых архивных материалов⁴, освещающих польско-советские политико-дипломатические аспекты убийства, не затрагивающие белорусского аспекта этого громкого преступления.

Белорусские советские ученые не акцентировали внимания на убийстве П. Войкова, в том числе на его причастности к белорусскому движению в межвоенной Польше. Нивелирование фактора белорусского национального движения в рассматриваемых событиях, особенно историографией 1920–1930-х гг., объясняется в первую очередь необходимостью конспирации в условиях функционирования советского дипломатического присутствия как активного субъекта процессов революционизации Польши с опорой на белорусское национальное движение, в особенности на его революционное крыло — Коммунистическую партию Западной Беларуси (КПЗБ). Любое упоминание о связях советского посла с белорусскими радикальными деятелями в советских изданиях и даже намеки на них были невозможны в связи с наличием Рижского соглашения 1921 г., которое статьей V запрещало какое бы то ни было вмешательство договаривающихся сторон во внутренние дела соседней страны⁵.

¹ Жуковский Н. Полномочный представитель СССР. М., 1968.

² Курляндский И. А., Лобанов В. В. Справка о деятельности П. Л. Войкова. URL: <https://histrf.ru/read/articles/rasstriel-tsarskoi-siem-i-event> (дата обращения: 05.06.2023).

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 8 т. Т. IV–V / отв. ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. М., 1966–1967.

⁴ Бабенко О. Новые архивные материалы об убийстве П. Л. Войкова // Россия и современный мир. 2005. № 3 (48). С. 216–221.

⁵ Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą, podpisany w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. No. 49. S. 821–822.

Белорусская советская историография темы подчеркивала агрессивно-террористический характер деятельности представителей антисоветских белогвардейских эмигрантских кругов и игнорировала связь белорусского национального движения с убийством П. Войкова. Характерной в этом смысле является позиция С. В. Кобяка, который утверждал, что «по замыслу империалистов, убийство Войкова должно было втянуть СССР в военный конфликт с Польшей» и стало одним «из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны темных сил мировой реакции и противников мира». При этом убийца Войкова — Б. Коверда, несмотря на его вовлеченность в белорусские национально-культурные организации, не упоминался⁶.

В отличие от советской современная белорусская историография детально анализирует деятельность Войкова в Варшаве и обстоятельства, связанные с его смертью, в основном характеризуя его как неразборчивого в связях и средствах достижения целей дипломата, организатора нерациональных разведывательных и даже диверсионных действий на территории Польши. Одним из главных аспектов современного белорусского взгляда на обстоятельства убийства Войкова в контексте белорусского национального движения в Польше является личность Б. Коверды и несогласие с его характеристикой как «русского эмигранта», «белогвардейца» и «монархиста»⁷. Действительно, несправедливо назвать эмигрантом человека, родившегося на Виленщине и постоянно проживавшего там всю жизнь до момента покушения на Войкова, за исключением периода беженства его семьи в Россию в годы Первой мировой войны. Что касается статуса белогвардейца, то очевидно, что рожденный в 1907 г. Б. Коверда в силу своего юного возраста не мог быть полноценным участником военного антибольшевистского сопротивления в годы Гражданской войны, хотя в это время он вместе со своей семьей и находился в России. По мнению ученых, не подтверждается его приверженность к идеологии монархизма и к каким-либо монархическим организациям, сам он отметил во время суда «Я не монархист»⁸. Что касается его национальной принадлежности и причастности к белорусскому национальному движению в Западной Беларуси в середине 1920-х гг., то здесь существуют противоположные высказывания. В частности, Н. Стужинская на основании того, что Б. Коверда учился в Виленской белорусской гимназии, одном из центров белорусской национально-культурной жизни Западной Беларуси в 1920–1930-х гг., его мать заведовала белорусским сиротским приютом, а его отец был причастен к вербовке в белорусскую антисоветски настроенную политическую партию «Зялены дуб», сделала вывод о том, что «Белорусское дело было семейным делом Ковердов»⁹.

В противовес указанной позиции В. Грицкевич скептически оценивает «белорускость» Б. Коверды, ссылаясь на слова А. Павлюкевича, одного из организаторов

⁶ Кобяк С. В. Под знаменем пролетарской солидарности: Компартия Западной Белоруссии в борьбе за сплочение трудящихся (1923–1929 гг.). Минск, 1979. С. 110.

⁷ Грицкевич В.: 1) Барыс Каверда — забойца паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы Пятра Войкава (да 80-годдзя замаху) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2007. No. 27. S. 69–83; 2) Справа аб замаху Барыса Каверды на Пятра Войкава. Яшчэ адзін міт пра пра этнічнага беларуса // *ARCHE* Пачатак. 2006. № 11. С. 116–128.

⁸ Грицкевич В. Барыс Каверда... С. 74.

⁹ Стужинская Н. І. Беларусь мяцежная. 3 гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву. 20-я гады XX стагоддзя. Вільня, 2000. С. 134.

покушения на П. Войкова, о том, что национальное самосознание его подопечного не очертилось. Более того, автор однозначно утверждает, что убийство П. Войкова не имеет никакого отношения к белорусскому движению и белорусским делам и «отчаянный поступок» Коверды не связан с белорусским сопротивлением. Свою позицию В. Грыцкевич подкрепляет сведениями о высказанном Б. Ковердой решительно негативном отношении к «Белорусской Крестьянско-Рабочей Громаде» («Беларуская Сялянска-Работніцкая Грамада» — БСРГ) — стотысячной радикальной революционно-демократической белорусской организации, созданной в 1925 г. при поддержке Компартии Западной Беларуси¹⁰.

Возвращаясь к причинам скупого отражения убийства П. Войкова в белорусской историографии в 1920-х гг., отметим нежелание его восхваления из-за отрицательного восприятия П. Войкова организаторами белорусского революционно-го движения в связи с его активным участием в налаживании польско-советского примирения. Польская печать, констатируя большую заинтересованность России в экономическом обмене с Польшей, упоминала при этом в позитивном ключе П. Войкова: «Полномочный представитель высказал мнение, что эта заинтересованность... даст значительный результат. Экономическое сближение двух стран должно идти все более быстрыми темпами. Экономическая взаимосвязь обеих стран находит свое выражение также в ряде совместных хозяйственных проектов, среди которых грандиозный проект соединения Вислы с Днепром. К реализации этого плана г. Войков уже приложил много усилий»¹¹.

Улучшение отношений между соседними странами ставило под угрозу планы белорусских коммунистов на воссоединение Западной Беларуси с БССР в результате антипольского восстания с открытой поддержкой СССР. Соответствующие мероприятия в 1923–1938 гг., в период существования КПЗБ, осуществлялись при организационно-техническом руководстве Представительства ЦК КПЗБ при ЦК Компартии большевиков Беларуси (КП(б)Б) (далее — Представительство КПЗБ). Эта инстанция являлась фактически советской спецслужбой, одним из подразделений НКВД, направлялась и контролировалась органами, обеспечивавшими, наряду с разведкой Генштаба и агентурной сетью Коминтерна, насыщение западно-белорусского коммунистического подполья подготовленными кадрами и контроль над белорусским национальным движением в Польше. В нашем случае важен факт историографический, связанный с тем, что под контролем Представительства КПЗБ функционировали все основные научно-исследовательские и издательские центры по Западной Беларуси. В 1920–1930-х гг. к их числу относились Комиссия по изучению Западной Беларуси при Институте белорусской культуры (с 1929 г. Белорусская академия наук), Западный сектор Института истории партии при ЦК КП(б)Б, Центральная редакция КПЗБ на территории Польши, а тем более находившаяся в Минске Заграничная редакция КПЗБ. Все они, как и само Представительство КПЗБ, по признанию Н. С. Орехво, одного из руководителей КПЗБ, существовали «с ведома и при полной поддержке Коминтерна, ЦК КП(б)Б и органов тогдашнего НКВД»¹². Причем сотрудники указанных учреждений были основны-

¹⁰ Грыцкевіч В. Справа аб замаху Барыса Каверды на Пятра Войкава. С. 128.

¹¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V. С. 43.

¹² Заявление по вопросу об истреблении руководящих кадров Компартии Западной Белоруссии в 1937 году и некоторых последствиях этого // Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1116. Л. 72.

ми поставщиками информации о Западной Беларуси в научные и периодические издания БССР и авторами публикаций, определяя, таким образом, официальный взгляд белорусской советской власти на Западную Беларусь и Польшу¹³.

Относясь с уважением к В. Грицкевичу, мы должны высказать несогласие с его мнением об отсутствии связи между убийством Войкова и белорусским движением в Польше. Белорусский фактор в убийстве Войкова убедительно подтверждается активным присутствием в нем одного из лидеров западнобелорусских полонофилов А. Павлюкевича, который неоднократно упоминается в советских документах в связи с деятельностью П. Войкова в качестве посла в Польше и его убийством. В частности, в показаниях А. Ульянова, советника П. Войкова на посту советского посла в Варшаве, активного участника интересующих нас событий, имеется ссылка на источник, в соответствии с которым «убийство ВОЙКОВА было организовано не ПИЛСУДСКИМ, а группой ПАВЛЮКЕВИЧА из Вильно по заданию англичан, действовавших через своих агентов в дефензиве»¹⁴. Пристальный интерес к А. Павлюкевичу со стороны А. Ульянова подтверждается и в его письме уполномоченному Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР при Совете народных комиссаров БССР, члену ЦК КП(б)Б С. Козюре, работавшему в БССР в 1925–1928 гг. по линии белорусской национально-демократической эмиграции¹⁵, а также в Представительстве КПЗБ в Минске, в том числе «в связи с убийством Ковердой т. Войкова и шумом... о связи Павлюкевича с Ковердой»¹⁶.

Тесное взаимодействие же самого Войкова с представителями белорусского движения подтверждается информацией Б. Тарашкевича, создателя и лидера БСРГ. Он сообщает, что один из радикально настроенных белорусских деятелей Ф. Окинчиц «начал работу в Виленском гарнизоне и оттуда приносил раздутые вести о необычайно сильном революционном брожении среди солдат и в особенности подхорунжих, настойчиво гнул свою линию, настаивая на немедленном вооруженном восстании». Находившийся с ним в близкой связи Ю. Соболевский ходил даже к Войкову с жалобой на «неревolutionность» Тарашкевича и «со своей стороны предлагал устройство путча, дабы дать возможность СССР и Литве (!) вмешаться в польские дела»¹⁷. И конечно же, советский полпред в Варшаве не мог не быть вовлечен в процесс обсуждения перспектив БСРГ как реальной политической силы, способной осуществить восстание на территории Западной Беларуси. Вопрос белорусского восстания в Польше актуализировался в конце 1926 г., когда, по информации Б. Тарашкевича, вместе «с принятой в Москве линией» на организацию массового протеста, а также на создание, укрепление и использование разных организаций национально-освободительного движения в качестве «второй линии окопов», рассматривался и вариант вооруженного восстания «Грамады», которое «могло бы сыграть в Польше такую роль, какую ленские события сыграли в России: явиться сигналом к подъему революционной волны»¹⁸.

¹³ Савіч А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў. Брэст, 2019. С. 14–27.

¹⁴ Илькевич Н. Н., Платонов Р. П. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.). Минск, 1997. С. 29–30.

¹⁵ Письмо уполнаркоминделу тов. Козюре // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 86. Л. 12.

¹⁶ Письмо А. Ульянова в Представительство ЦК КПЗБ от 4 июля 1927 г. // Там же. Д. 116. Л. 69.

¹⁷ Валахановіч А. І., Міхнюк У. М. Спведзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1999. С. 78.

¹⁸ Ibid. С. 79.

Рассуждая о мотивах убийства П. Войкова, мы не будем называть в качестве таковых заинтересованность «темных антисоветских сил» и враждебной Польши, которые в советское время фигурировали в качестве интересантов данного преступления, а ограничимся упомянутым выше мнением С. Кобяка. Наибольший интерес привлекает версия, высказанная вскоре после смерти Войкова, о заинтересованности и причастности к его устранению представителей советских спецслужб. Эта версия фигурировала и на судебном процессе по обвинению Коверды, однако в ходе него не получила своего подтверждения.

Устранения Войкова, женатого на польке, имевшего связи в польских политико-дипломатических кругах, содействовавшего нивелированию белорусской революционной стихии, желали деятели белорусского революционного движения. П. Войков, являясь представителем линии на мирное урегулирование польско-советских отношений, своей позицией вызывал недоверие и раздражение со стороны штаба революционной борьбы в Западной Беларуси — Представительства КПЗБ и его агентов в Польше. Тем более что к моменту его убийства в польских тюрьмах в ожидании суда находились лидеры белорусского революционного движения, вожди знаменитой легальной сотысячной белорусской партии парламентского типа БСРГ, разогнанной польским правительством в начале 1927 г. в нарушение законов Польши.

Следует отметить, что Павлюкевич, бывший активный участник антисоветского Слуцкого восстания осенью 1920 г., лично знал революционеров Западной Беларуси, в первую очередь политического секретаря КПЗБ И. Логиновича (партийный псевдоним Павел Корчик)¹⁹ — также участника слущких событий. Отрицать причастность А. Павлюкевича к белорусскому движению в Польше невозможно, а с учетом его тесного сотрудничества с польскими спецслужбами и роли фактически главного организатора убийства Войкова корни данного события необходимо искать также в западнобелорусской политической среде, не исключая и коммунистических очагов советского влияния на Западную Беларусь и Польшу в целом. В этом смысле привлекает внимание упомянутый выше Александр Ульянов, главный куратор и негласный руководитель белорусского революционного движения в Польше. По официальной должности А. Ульянов являлся советником советского посла в Варшаве, фактически же контролировал белорусскую эмиграцию, оказывал влияние на руководство БССР в решении всех заграничных белорусских дел²⁰. Еще одним советником посла в Варшаве в 1920-х гг. работал А. Загорнов, как и А. Ульянов, координировавший оппозиционно настроенные к польской власти западнобелорусские партии и организации, косвенно влияя и на представителей полонофильского крыла белорусского движения. А. Павлюкевич, один из организаторов убийства Войкова, входил в руководство этим движением.

«Грамада», выразитель интересов белорусского крестьянства, подавляющего большинства населения Западной Беларуси (80% от общего числа жителей края), используя советскую организационно-техническую и финансовую поддержку, быстро набирала популярность и авторитет среди крестьянства Западной Беларуси.

¹⁹ И. К. Логинович — политический секретарь КПЗБ в 1923–1936 гг., лидер пробелорусского «большинства» в КПЗБ.

²⁰ Илькевич Н. Н., Платонов Р. П. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР...

Программа партии исходила из необходимости установления крестьянско-рабочего правительства, справедливого решения аграрного вопроса в интересах белорусских крестьян путем наделения их землей без выкупа, права Западной Беларуси на самоопределение и воссоединения ее с БССР. При этом БСРГ не отказывалась от вооруженного восстания. Б. Тарашкевич, вождь «Грамады», вступивший в 1926 г. в КПЗБ, до этого занимавший пост председателя Белорусского посольского клуба в Польском сейме, но разочаровавшийся в парламентских способах борьбы за интересы белорусов на территории Западной Беларуси в условиях польского режима, в своих выступлениях многократно говорил о перспективах народного бунта против польских властей.

Руководство Польши в свою очередь опасалось возвращения к состоянию первой половины 1920-х гг., когда «кресы всходни» были охвачены партизанской борьбой, в том числе и в виде «активной военной разведки»²¹, организованной советскими спецслужбами, против польской оккупации Западной Беларуси и проводимой там политики ассимиляции и колонизации.

Однако партизанское движение в Западной Беларуси было проблемой не только для польских властей, но и для их противника в лице поддерживаемой и финансируемой советской стороной Компартии Польши (КПП). Ее руководство на основе Рижского мирного договора настаивало на законности и справедливости присоединения западнобелорусских земель к Польше, игнорируя основополагающий тезис белорусских коммунистов о захватнической оккупационной сущности польской власти в крае. Более того, в планах польских коммунистов существовали варианты реализации крупномасштабных геополитических проектов, в которых Варшава в системе международного коммунистического порядка получила бы паритетные с Москвой позиции. Так, во время V конгресса Коминтерна, некоторые руководители КПП высказывались относительно отделения «Советской Белоруссии от восточного СССР и присоединения ее к западному СССР, в котором Варшава собирается играть первую скрипку». Это должно было привести к разделению «общего коммунистического движения на “азиатско-московское” и “культурное” Варшавско-Европейское»²². На страницах польских правых газет, предназначенных для белорусских территорий, наличие таких проектов подтверждается информацией о независимой Беларуси, которая будто бы возникнет после присоединения Советской Беларуси к Западной, а не наоборот²³.

Активизация повстанческих настроений среди коммунистов Западной Беларуси и радикализация «Грамады» неминуемо вели Польшу к кризису, который мог вылиться в вооруженное столкновение ее с СССР. Ведь в планах революционно настроенных «грамадовцев» исключительное по своей важности место играла решающая поддержка будущего антипольского восстания Советским государством. На поддержку СССР рассчитывали и объявившие еще осенью 1924 г. о подготовке к антипольскому восстанию представители белорусской фракции в КПЗБ — «сecessии», не желавшие подчиняться руководству КПП, считавшие ее оппортуни-

²¹ Линдер И., Чуркин С. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005.

²² Объяснительная записка временного ЦК КПЗБ // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 129. Д. 71. Л. 8–9.

²³ Bergman A. Kwestia białoruska w Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi // Przegląd Historyczny. 1971. No. 62/2. S. 235.

стической из-за нежелания осуществлять революционную борьбу по освобождению Западной Беларуси от польской оккупации. «Сецессия» была ликвидирована в 1925 г. в результате усилий руководства польской компартии при согласии коминтерновского руководства²⁴. Отметим, что в 1925 г. произошло и сворачивание партизанского движения в Западной Беларуси. Как видим, оба отрицательные для белорусского революционного движения события произошли в бытность П. Войкова послом в Варшаве, а вероятно, в результате его приверженности польско-советскому примирению и с его активным участием. Таким образом, мотивы убийства П. Войкова необходимо искать и в перипетиях белорусского движения в Польше, в тесной связи с обострением общественно-политической ситуации в Западной Беларуси первой половины 1927 г. вследствие ареста белорусских депутатов Польского сейма — вождей запрещенной БСРГ, которых польские власти обвиняли в подготовке к вооруженному восстанию с целью отторжения края от Польши²⁵.

Расправа санационного режима Ю. Пилсудского над «Грамадой» в начале 1927 г. должна была всколыхнуть Западную Беларусь и привести к антипольскому восстанию, о котором много говорилось осенью 1926 г. — весной 1927 г. Однако именно в 1927 г. происходит активизация фракционной борьбы в КПЗБ, в которой были представлены «большинство» (сторонники белорусской политической линии КП(б)Б и Представительства КПЗБ) и пропольское «меньшинство», не желавшее антипольского восстания²⁶. В результате КПЗБ — авангард революционного движения Западной Беларуси — была на несколько лет втянута в бесплодные теоретические дискуссии и фракционную борьбу²⁷, которая деструктивно действовала и на Представительство КПЗБ, ослабляя его влияние на политическую обстановку в крае.

Хранящиеся в фонде Представительства КПЗБ Национального архива Республики Беларусь письма А. Ульянова и А. Загорнова подтверждают версию о заинтересованности советских спецслужб в устранении «хозяина», как называли они П. Войкова. Будучи активным исполнителем тактики советской дипломатии на укрепление сотрудничества с Польшей, он не был сторонником вооруженного восстания в Западной Беларуси, за которое ратовали партийно-государственное руководство БССР и Представительство КПЗБ в Минске.

Донесения от А. Ульянова и А. Загорнова в Представительство КПЗБ являются важными источниками по истории белорусского революционного движения в Польше 1920–1930-х гг. Они отражают приоритеты и конкретные мероприятия советских политико-дипломатических и агентурных инстанций по установлению контроля над белорусскими партиями и политическими лидерами с целью влияния на ситуацию в Польше и активизации революционно-освободительных уси-

²⁴ Савіч А. А. «Сецэсія» ў КПЗБ у айчынай гістарыяграфіі // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. Філасофія і логіка. Гісторыя. Псіхалогія. Права. Педагагіка. 2007. № 3 (30). С. 23–31.

²⁵ Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Процесс Белорусской Крестьянско-Рабочей Громады. 23 февраля — 22 мая 1928 г. Минск, 1929.

²⁶ Письма ЦК Компартии Западной Белоруссии, меньшинства ЦК, членов ЦК и Представительства КПЗБ при ИККИ в ИККИ и ЦК Компартии Польши о фракционной борьбе в КПЗБ. Февраль — август 1927 // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 132.

²⁷ Савіч А. А. Фракцыйная барацьба ў КПЗБ: гістарыяграфія і перспектывы навуковага асэнсавання // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2017. № 2, т. 9. С. 54–63.

лий в Западной Беларуси. Документы недвусмысленно указывают на устремления организаторов белорусского радикального крыла использовать для активизации антиправительственных выступлений результаты успешно проведенной в Западной Беларуси электоральной кампании весны 1927 г.

Письма в Минск сотрудников советского Полпредства в Варшаве А. Ульянова и А. Загорнова летом 1927 г. наполнены решимостью бороться, но также тревогой и растерянностью в силу отсутствия организационно-финансовой помощи из центра: «Нету денег, срочно пришлите деньги!!! Положение отчаянное, цветов²⁸ нет уж очень давно... катастрофически нет денег, вопрос цветов не урегулирован, это отражается самым отчаянным образом... все из-за этого страдает, но и разрушается. <...> Нужно не только разговаривать со знакомыми²⁹, нужно проводить — руководить. <...> Несчастье знакомых, а значит и наше в том, что у них нет людей — друзей на месте... Связь есть — давайте букеты: “Цветы надо немедленно...”»³⁰.

Однако энергичные обращения в Минск, в Представительство КПЗБ, не привели к желаемым результатам. Ни кадровой, ни финансовой поддержки революционеры Западной Беларуси не получили, и мощная волна белорусского негодования в отсутствие организованной политической силы была нивелирована обоюдным советско-польским примирением с участием советского посла в Варшаве. В итоге получилось, что, несмотря на убийство П. Войкова, которое приостановило подготовку польско-советского договора, подписанного лишь в 1932 г., линия на примирение двух стран возобладала. Международные отношения требовали от СССР воздержаться от «революционного натиска» на Польшу, который мог быть успешно организован при помощи революционеров Западной Беларуси. Неудивительно, что радикально настроенные белорусские деятели при согласии соответствующих инстанций в Минске и Москве могли желать отомстить Войкову. Тем более что в кругу «друзей», участников белорусского разведывательного сообщества по линии Представительства КПЗБ, недовольство действиями П. Войкова было заметно с самого его появления в Варшаве. В частности, 27 января 1925 г. А. Загорнов писал одному из организаторов коммунистического подполья в Западной Беларуси А. Славинскому: «Скоро еду в Варшаву. Убийственна одна мысль о встрече с Войковым и дальнейшей работе с ним. Мои друзья³¹ также пишут, что ждут, не дождутся того дня, когда его уберут, а пока этого не слышно»³². И здесь интересен не столько факт рассуждений относительно ожидания, «когда его уберут» (причем не только от самого автора письма, но и от его друзей), сколько информация о недоброжелательной атмосфере в посольстве в целом.

²⁸ Под «цветами» и «букетами» в документах подразумеваются специально подготовленные единичные активисты и группы кадров западнобелорусского революционного подполья.

²⁹ «Знакомые» — информаторы из числа общественно-политических деятелей в Западной Беларуси и Польше.

³⁰ Информационные письма советника Полпредства СССР в Польше (представителя ЦК Компартии Белоруссии) и др. лиц в Представительство Компартии Западной Белоруссии о положении в Западной Белоруссии, о работе партии и по организационным вопросам. Январь 1927 — октябрь 1927 // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 116. Л. 56, 63, 72, 82, 112–113.

³¹ «Друзья» — сотрудники советских разведывательных структур.

³² Письма (советников НКВД) Ульянова и Загорного из Варшавы в Представительство Компартии Западной Белоруссии о работе Компартии Западной Белоруссии, о распространении литературы, по финансовым и другим вопросам. 03.01.1926–01.01.1927 // Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 4 об.

Аналогичным по направленности является и содержание письма от 13 февраля 1926 г. А. Загорнов доверительно обращается к своим товарищам: «Дорогие друзья! Только что приехал. Никого из друзей и знакомых не видел, но так как почта идет завтра утром — спешу дать о себе знать. Успели меня напичкать по приезде рассказами о внутренней жизни и мне уже не хорошо. Гниль, гниль, гниль. Хозяин ласков внешне, пакостит изредка, но, конечно, мы ему кол в глотке». Советский разведчик с полномочиями резидента, каким был А. Загорнов, испытывал возмущение действиями П. Войкова и радость от перспективы его устранения: «Не знаю, как Мекка³³ — но мы бы ему дали охотно венок и деньги на похороны по 4-му разряду. Что касается меня, то он мило указал мне, сразу же, что у меня в Д³⁴ будет очень много дел и что я здесь не смогу быть и т. д.»³⁵

Письмо между 13 и 26 февраля 1926 г. в Представительство КПЗБ, очевидно, отображает наличие напряженных отношений между «хозяином» и его подчиненными, а также в целом противостояние и конкуренцию в стенах посольства. А. Загорнов сообщает «дорогим друзьям», что «хозяин ни за что не хочет меня отпустить к Вам. Мне крайне необходимо с Вами видаться сейчас же — благо Павел³⁶ там и т. д., так как сейчас есть очень много о чем говорить». Автор письма просит: «Добейтесь через НКВД обязательного моего приезда, иначе я не смогу приехать, а потом он сам хочет приехать и в результате я не выберусь, тогда как сейчас это легче. Все его мотивы о моей незаменимости около него, конечно, выеденного яйца не стоят, так как дело прежде всего. Думаю, что Вам придется выдержать здесь его большой натиск, так как он очень не хочет моего появления у Вас». Далее идут далеко не дипломатические формулировки относительно П. Войкова, который «здесь пока особых свинств не делает — правда, ввиду сокращения средств на дом — он мне предложил после переезда в новый дом — жить на частной квартире, на что я категорически отказался. Думаю, что он на глупость здесь не пойдет и постарается квартиру мне оборудовать, ибо это сейчас не в его интересах». А следующая фраза конкретно указывает на трагические для П. Войкова перспективы: «Хотя бы его уже скорее не было — я бы ему свечку поставил. Жду вызова через Москву»³⁷.

К концу февраля отношения между А. Загорновым и П. Войковым существенно ухудшились, что подтверждает письмо в Представительство КПЗБ от 26 февраля 1926 г., в котором А. Загорнов инициирует срочное свидание с «друзьями» и жалуется на «хозяина»: «...этот тип пакостит и портит нервы на каждом шагу. Не понимаю, откуда взял Майский³⁸, что он изменился». Автор информирует о претензиях «хозяина», который «придрался, что много получаю почты — 13 кг... он рассви-

³³ В агентурной переписке под Меккой подразумевается Минск, где размещалось Представительство КПЗБ.

³⁴ Вероятно, имеется в виду г. Данциг (ныне польский город Гданьск), в то время вольный город, который активно использовался для осуществления советской негласной агентурной деятельности.

³⁵ Письма (советников НКВД) Ульянова и Загорного из Варшавы в Представительство Компартии Западной Белоруссии. Л. 7.

³⁶ Имеется в виду И. Логинович, политический секретарь КПЗБ, руководитель пробелорусского большинства в КПЗБ.

³⁷ Письма (советников НКВД) Ульянова и Загорного из Варшавы в Представительство Компартии Западной Белоруссии. Л. 18.

³⁸ Вероятно, И. Майский — советский дипломат, в 1925–1927 гг. — советник Полпредства СССР в Великобритании.

репел, заявил, что немедленно пожалуется в Москву, что здесь что-то есть, что я не должен получать такой почты»³⁹. Информация А. Загорнова уже после убийства П. Войкова подтверждает наличие в его действиях стремления ограничить агентурное взаимодействие представителей советского разведывательного сообщества и деятелей белорусского движения: «Здесь я все время с друзьями в полном контакте, и они связаны со знакомыми лично больше, чем я, в особенности с момента смерти хозяина»⁴⁰.

Таким образом, анализ отечественной историографии и новых архивных материалов дают основания утвердительно относиться к версии физического устранения П. Войкова в результате спецоперации с участием представителей советских спецслужб, вовлеченных в белорусское революционно-освободительное движение на территории Польши в середине 1920-х гг. Источники подтверждают вовлеченность в белорусские дела советского посла П. Войкова, активного участника налаживания польско-советского примирения и нивелирования остроты белорусского военно-политического повстанческого фактора. При этом указывается на его стремление не только контролировать, но и ограничивать контакты дипломатических сотрудников, вовлеченных в организацию вооруженного освобождения Западной Беларуси из-под власти Польши, со сторонниками соответствующей политической линии в крае. Не удивительно, что представители советского военно-разведывательного сообщества, сочувствовавшие революционно-освободительному движению в Западной Беларуси, в условиях острой внутривосточной борьбы в СССР между И. Сталиным и его оппонентами могли быть причастны к устранению П. Войкова. Для этого необходимо было организовать и провести тонкую операцию, которая, с одной стороны, устранила бы неудобного, создающего препятствия для агентурной разведывательной деятельности, к тому же дискредитировавшего себя дипломата высокого ранга, а с другой стороны, содействовала бы активизации борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией и одновременно обеспечила бы усиление позиций СССР во взаимоотношениях с Польшей. Выгода от убийства посла советской стороне просматривается и в возможности решительно обвинять Польшу в развязывании террора и преследований советских дипломатических служащих. «Варшавский выстрел и ответственность Польши»: таким названием своей передовицы газета «Правда» от 11 июня 1927 г. недвусмысленно намекала Варшаве на возможные для нее проблемы в условиях укрепления отношений на платформе Рапальского договора между Германией и СССР — главными противниками Польши.

³⁹ Письма (советников НКВД) Ульянова и Загорного из Варшавы в Представительство Компартии Западной Белоруссии. Л. 20.

⁴⁰ Информационные письма советника Полпредства СССР в Польше (представителя ЦК Компартии Белоруссии) и др. лиц в Представительство Компартии Западной Белоруссии. Л. 112–113.

References

- Babenko O. Novye arkhivnye materialy ob ubiistve P.L. Voikova. *Rossia i sovremenniy mir*, 2005, no. 3 (48), pp. 216–221. (In Russian)
- Bergman A. Kwestia białoruska w Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi. *Przegląd Historyczny*, 1971, no. 62/2, pp. 4–250.
- Gryckevich V. Barys Kaverda — zaboica paŭnamocnaga pradstaŭnika SSSR u Pol'shchy Piatra Voikava (da 80-goddzia zamakhu). *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 2007, no. 27, pp. 69–83. (In Belarussian)
- Gryckevich V. Sprava ab zamakhu Barysa Kaverdy na Piatra Voikava. Yashche adzin mit pra pra etnichnaga belarusa. *ARCHE Pachatak*, 2006, no. 11, pp. 116–128. (In Belarussian)
- Il'kevich N. N., Platonov R. P. *Aleksandr Ul'ianov i versii NKVD ob antisovetskom podpol'e v BSSR (fal'sifikatsiia organami NKVD ugovolnykh del v 1937–1938 gg.)*. Minsk, BelNIIDAD Publ., 1997, 100 p. (In Russian)
- Kobyak S. V. *Pod znamenem proletarskoi solidarnosti: Kompartiiia Zapadnoi Belorussii v bor'be za splochenie trudiashchikhsia (1923–1929 gg.)*. Minsk, Belarus' Publ., 1979, 142 p. (In Russian)
- Linder I., Churkin S. *Krasnaia pautina: tainy razvedki Kominterna. 1919–1943*. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2005, 686 p. (In Russian)
- Savich A. A. “Secesiia” u KPZB u aichynnai gistoryyagrafii. *Vesnik Bresckaga universiteta. Seryia gumanitarnykh i gramadskikh navuk. Filasofiiia i logika. Gistoryia. Psikhologiiia. Prava. Pedagogika*, 2007, no. 3 (30), pp. 23–31. (In Belarussian)
- Savich A. A. *Aichynnaia gistoryyagrafiia gistoryi Zakhodnyai Belarusi 1921–1939 gadou*. Brest, BrDU imia A. S. Pushkina Press, 2019, 300 p. (In Belarussian)
- Savich A. A. Frakcyinaia barats'ba u KPZB: gistoryiagrafiia i perspektyvy navukovaga asensavannia. *Vesnik Grodzenskaga dziazhaunaga universiteta imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Gistoryia i arkhealogiiia. Filasofiiia. Palitalogiiia*, 2017, no. 2, vol. 9, pp. 54–63. (In Belarussian)
- Stuzhynskaya N. I. *Belarus' myacezhnaia. Z gistoryi uzbeknaga antysaveckaga supracivu. 20-ia gady XX stogoddzia*. Vil'nya, Belaruskaya zhanochaya liga Publ., 2000, 255 p. (In Belarussian)
- Valakhanovich A. I., Mikhnyuk U. M. *Spovedz' u nadzei zastacca zhyvym: autabiyagrafiia Branislava Tarashkevicha*. Minsk, BelNDIDAS Publ., 1999, 200 p. (In Belarussian)
- Zhukovskii N. *Polnomochnyi predstavitel' SSSR*. Moscow, Politizdat Publ., 1968, 214 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 6 июня 2023 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2023 г.

Received: June 6, 2023

Accepted: October 20, 2023